

5. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков / Александр Львович Зеленецкий. – М. : Изд. центр “Академия”, 2004. – 247 с.
6. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Елена Андреевна Земская. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 221 с.
7. Карпіловська Є. А. Конструювання складних словотворчих одиниць / Євгенія Анатоліївна Карпіловська. – К. : Наукова думка, 1990. – 156 с.
8. Клименко Н. Ф. Словотвірний тип / Н. Ф. Клименко // Українська мова : Енциклопедія. – К. : Вид-во “Укр. енцикл.” імені М. П. Бажана, 2004. – С. 622–623.
9. Колесников А. А. Аналитизм в грамматической системе современного русского языка / Александр Александрович Колесников. – Измаил : Изд-во Изм. ПИ, 1992. – 128 с.
10. Стародуб К. А. Аналітичний словотвірний тип як одиниця дериватології / К. А. Стародуб // Наукові праці : Науково-методичний журнал. – Т. 119. – Вип. 106. Філологія. Мовознавство. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ імені Петра Могили, 2010. – С. 86–90.
11. Стародуб К. А. Типологія дериваційних одиниць / К. А. Стародуб // Наукові праці : Науково-методичний журнал. – Т. 98. – Вип. 85. Філологія. Мовознавство. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ імені Петра Могили, 2009. – С. 103–108.
12. Шевчук В. Дім на горі : [роман-балада]. – К. : Рад. письм., 1983. – 487 с.
13. Bujaš Z. Derivation in Serbo-Croatian and English / Z. Bujaš // Trends in kontrastiver Linguistik I. – Tübingen : Narr, 1974. – P. 129–137.
14. Carstairs-McCarthy A. Introduction to English Morphology : Words and Their Structure / A. Carstairs-McCarthy. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2002. – 151 p.
15. Kastovsky D. Diachronic Perspective / D. Kastovsky // The Oxford Handbook of Compounding / Ed. Rochelle Lieber, Pavol Štekauer. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – P. 323–340.
16. Morley D. G. Evidence-based Counseling and Psychotherapy for an Aging Population / D. G. Morley. – L. : Elsevier, 2009. – 402 с.
17. Science Daily. – Режим доступу : <http://www.sciencedaily.com/>
18. Time Magazine. – Режим доступу : <http://www.time.com/time/>

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ “ИММУНИТЕТ”, “ПРАВО”,
“ПРИВИЛЕГИИ” И “НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ”
В БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ**

ЦЫПИНА И. М.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Современные международные отношения охватывают все новые сферы общения, в том числе в тех областях, которые традиционно считались внутринациональными. Обращение к данной теме обусловлено повышенным интересом к исследованию дипломатической коммуникации с позиций лингвистического понимания дипломатического документа и изучению языковых средств современной дипломатии, что позволяет рассмотреть дополнительные аспекты процесса функционирования международного взаимодействия. Однако, термины дипломатический “иммунитет”, “статус”, “право”, “привилегия”, “свобода” и “неприкосновенность”, также как и их

английские вар

ианты diplomatic “immunity”, “status”, “privilege”, “inviolability”, “freedom” и “law”, настолько тесно переплетены в своем семантическом значении, что четкий эквивалент при переводе или прочтении зарубежной прессы крайне сложно найти без предварительного изучения законодательства.

Широкая палитра существующих в обществе мнений, характеризующих внешнюю политику России и ее дипломатию с разных позиций, демонстрирует актуальность обращения к исследованию газетных текстов, где наиболее сильно оказывается влияние на сознание и эмоции адресата, и следовательно языковой материал должен быть семантически точен. Данная работа вносит вклад в теоретическую сторону разработанности вопроса, а также будет полезна в практической работе политтехнологов, работников сферы рекламы и связей с общественностью, журналистов и специалистов дипломатического корпуса.

Целью данного исследования является определение единицы смысла, которая включает значение словосочетания “дипломатический иммунитет”, а также построение схемы семантических взаимоотношений между терминами “статус”, “право”, “привилегия”, “свобода” и “неприкосновенность”, и их английскими вариантами diplomatic “immunity”, “status”, “privilege”, “inviolability”, “freedom” и “law”, которая позволит выявить четкую структуру использования терминов. В ходе исследования были поставлены и решены следующие задачи:

1. Определить единицу смысла словосочетания “дипломатический иммунитет”.
2. Дать лексико-семантическую характеристику словосочетаниям дипломатическое “право”, “привилегия”, “свобода”, “неприкосновенность”, diplomatic “immunity”, “status”, “privilege”, “inviolability”, “freedom” и “law”.
3. Выявить гипо-гиперонимические связи между указанными словосочетаниями, составить список минимальных диагностических компонентов словосочетания “дипломатический иммунитет”.
4. Произвести анализ отрицательного языкового материала и пересекающегося значения, произвести анализ субъективно-эмоционального компонента в узусе данных словосочетаний.
5. Составить схему семантических отношений термина “дипломатический иммунитет” с другими дипломатическими терминами.

Основными методами исследования являлись лексико-семантический анализ текста, компонентный анализ и методы анализа, синтеза и дедукции. Материалом исследования послужили периодические издания за период с 2007 до 2009 года: “Новая газета”, “Эксперт”, “Newsweek”, “The Moscow Times”, “Daily Telegraph”, “РБК Daily”, “The Economist” и др. Выбор изданий, во-первых, обусловлен тем, что они отражают современную политическую действительность наиболее ярко. Во-вторых, популярность и большой тираж этих газет позволяет прогнозировать характер воздействия, оказываемого на сознание и эмоции большого количества читателей за счет использования лингвистических средств. К тому же материалом послужили словари, такие как Collins Dictionary, Roget's 21st Century Thesaurus, Merriam-Webster Thesaurus, Тезаурус Баранова, Словарь иностранных слов: актуальная лексика,

толкование, этимология Арапова Н. С и др. Большое влияние оказали последние исследования и публикации на данную тему: Певнева И. В. “Некоторые аспекты конфликтного дискурса”, “Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов” под ред. проф. Горбаневского М. В., Дридзе Т. М. “Интерпретационные характеристики и интерпретация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов)”, Чернышева Т. В. “Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста”, Степанов В. Н. “Провокативный дискурс массовой коммуникации”, Олянич А. В. “Драматургия политического и военно-политического конфликта в массово-информационном дискурсе” и др.

Изначально понятие “дипломатический иммунитет” использовалось как юридический термин, значение которого устанавливается внутренним законодательством государств, а также международными договорами, например, Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961. К тому же, дипломатический иммунитет может иметь ограничения в связи с внутренним законодательством страны пребывания. Как юридический термин, это словосочетание не имело никаких коннотаций. Однако по мере функционирования в современной публицистике данное понятие приобрело субъективные, эмоционально-окрашенные смыслы.

Для того, чтобы образовалась четкая структура использования терминов, которая способствовала бы быстрой и качественной передаче информации, необходимо произвести компонентный анализ указанных лексических значений и сопоставить их с английскими эквивалентами.

Итак, определяя единицу смысла, которая включает значение словосочетания “дипломатический иммунитет” мы обратимся к тезаурусу Баранова и увидим, что гиперонимом данного понятия является “статус”. А соответственно, “дипломатический статус” и “дипломатический иммунитет” уже не являются согипонимами.

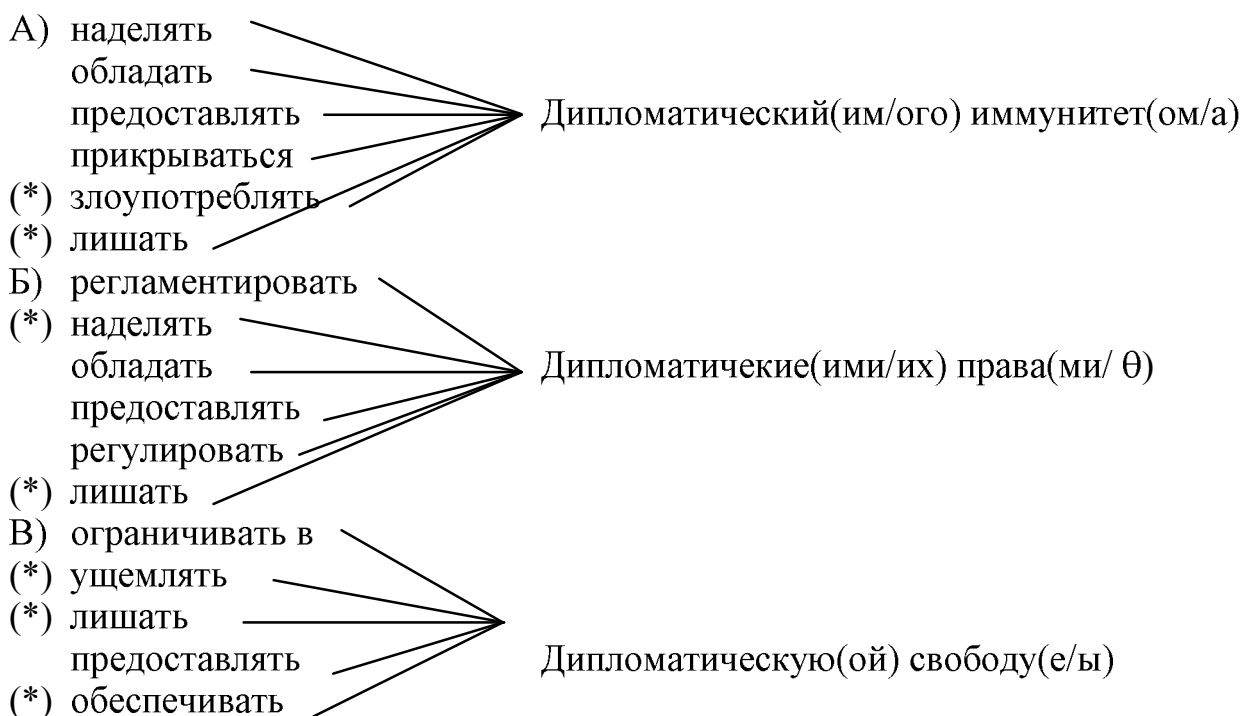
В дальнейшем необходимо определить единицы, которые могут считаться включенными в значение словосочетания “дипломатический иммунитет”. Для многих носителей русского языка это будут гипонимы дипломатическая “неприкосновенность”, “неподсудность”, “привилегия”. Для некоторых носителей языка наравне с указанными словами будут располагаться, прежде всего, имена конкретных представителей дипломатического корпуса, такие как “Вершбоу”, “Дубинин”, “Коллонтай” и пр. Последнее связано непосредственно с работой средств массовой информации. Наконец, исследование единиц того же самого иерархического уровня, которые находятся с интересующим нас значением в отношении несовместимости или пересечения. Прежде всего, это слова дипломатическая “свобода” и дипломатические “права”. Значение слова “иммунитет” противопоставляется им по признаку конкретности и по признаку паритетности. Для слов “иммунитет” и “права” эти признаки является интегральным.

При этом, надо заметить, что словосочетание “дипломатическая свобода” является неустойчивым, в прессе он практически не употребляется как отдельное словосочетание, а разбивается с уточнением “свободы от чего-либо”.

Дипломатическая “свобода” не предполагает препятствий или ограниченность возможностей для *каких-либо действий* при выполнении своих должностных обязанностей. В то время как “права”, это полномочия, имеющееся (*данные свыше*) у кого-либо на совершение *определенных действий*; а “иммунитет” является совокупностью особых преимуществ и привилегий, *предоставляемых кругу должностных лиц*, для совершения *определенных действий*, означающей освобождение определенного круга субъектов из-под действия общих норм. “Иммунитет” противопоставлен “правам” как *преимущественное* полномочие, облегчение, предоставляемое кому-либо, как исключение из общих правил.

Таким образом, можно составить список минимальных диагностических компонентов, которые, во-первых, отличают значение слова дипломатический “иммунитет” от других значений того же уровня, во-вторых, позволяют включить его адекватным образом в рамки ближайшего вышестоящего значения и, в-третьих, удовлетворительным образом охватывают значения его гипонимов. В нашем случае это будут четыре компонента: “статус”, “данный свыше”, представляющий собой “преимущественное полномочие” “для определенных действий”.

Однако, этого не достаточно. Необходимо рассмотреть не только слово само по себе, а словосочетание с ним, то есть произвести анализ пересекающихся значений:

(*) – обозначает глаголы, которые являются категориальными компонентами, то есть образуют необходимые условия применения данного слова. Анализ контекста употребления также позволяет сформировать управляющие глаголы, которые присущи только данному термину.

Сравнивая контекстуальное употребление глаголов с указанными словами, мы можем выявить следующие оценочные аспекты смысла понятий: основное контекстуальное употребление термина “дипломатическая свобода”

предполагает “обеспечение и не ограничение” пространства для реализации полномочий; “дипломатические права” предполагают использование “юридически фиксированных и четко систематизированных международным правовым документом” полномочий, регулируемых должностным статусом. Наконец “дипломатический иммунитет” – это использование особых привилегий, “юридически фиксированных и четко систематизированных”, для реализации полномочий согласно должностному статусу без “ограничений и препятствий”.

Таким образом, выделяются не четыре, а семь компонентов: “статус”, “данный свыше” “кругу должностных лиц”, представляющий собой “преимущественное полномочие”, “юридически фиксированное и четко систематизированное международным правовым документом” (в данном случае Конвенцией 1961 года), “дающий свободу для реализации определенных действий без ограничений и препятствий”.

Однако, согласно результатам анализа отрицательного языкового материала и анализа русскоязычной прессы центральным субъективно-эмоциональным компонентом термина “дипломатический иммунитет” в современном узусе русского языка является “частное употребление полномочий в корыстных целях”. Ярким примером служит цитата из Росбалт от 23.12.2009, Новости 12:30: “В Министерстве иностранных дел Украины подтверждают факт ДТП с участием украинского посла в Корее, но опровергают распространенную ранее СМИ информацию о том, что посол был пьян и хулиганил. “Обычная авария по непонятным причинам была поднесена до уровня серьезного инцидента. Я объясняю это так называемой борьбой корейской стороны с, якобы, злоупотреблением дипломатическим иммунитетом со стороны дипломатического корпуса”, – сказал посол”.

В российской прессе также нередко встречается этот аспект смысла: “Как сообщил начальник отдела экономической безопасности УВД Юго-Западного округа Москвы Станислав Смирнов, оказалось, что в магазине торгуют женской одеждой без необходимых документов. За прилавком оказался иностранный гражданин, пытавшийся прикрыться “дипломатическим иммунитетом”.

Компонентный анализ английских терминов дает иную картину. Согласно тезаурусу Роже, единица смысла, которая включает значение словосочетания “diplomatic immunity”, - это гипероним “status”.

К тому же необходимо определить гипонимы, то есть единицы, которые могут считаться включенными в значение словосочетания “diplomatic immunity”. Таковыми являются: diplomatic “exemption” (освобождение от налогов), “freedom” (свобода, независимость), “impunity” (освобождение от обязанности возместить убытки), “indemnity” (освобождение от наказания, материальной ответственности), “inviolability” (неприкосновенность личности).

Третьим этапом является исследование одноуровневых единиц, которые находятся в отношении несовместимости или пересечения с термином diplomatic “immunity”. Таковыми являются термины diplomatic “privilege” и diplomatic “right”. При сопоставительном анализе термины противопоставляются по признаку конкретности и по признаку “варьирование

дипломатических преимуществ в зависимости от территории”. Для терминов diplomatic “privilege” и “immunity” признак конкретности является интегральным, так как оба термина подразумевают “конкретные, определенные преимущества”. Diplomatic “right”, как и русский термин “дипломатическая свобода”, является неустойчивым. Заметим, что существует также термин Diplomatic law, который на русский язык часто переводится как “дипломатическое право” (≠ “дипломатические права”).

Однако данный термин относится к немного другой области. “Diplomatic law is that area of international law that governs permanent and temporary diplomatic missions”. Несмотря на то, что одним из центральных концептов этого понятия является diplomatic immunity, diplomatic law является скорее областью его применения, чем непосредственно статусом.

Diplomatic “right” (на русский язык переводиться как “дипломатические права”) это права *в общем смысле слова*, фиксированные и регулируемые международным правовым документом (а именно, Diplomatic Law). Антонимом данного термина будет responsibility (ответственность), также как и у термина diplomatic “privilege”. Однако diplomatic “privilege” подразумевает *конкретные* преимущества, фиксированные соответствующей документацией. Они являются *едиными* для всех представителей определенной группы людей (дипломатического корпуса) или отдельной личности (дипломата) во всех странах, где имеет юридическую силу международный правовой документ (Diplomatic law). Противопоставляя diplomatic “privilege” и “immunity”, определяем, что последний включает в свое понятие *изменение и варьирование преимуществ в зависимости от страны пребывания дипломата*, то есть учитывает культурологические особенности страны пребывания и адаптирует права и привилегии соответственно им. К тому же английский термин diplomatic “immunity” не подразумевает антонима.

Итак, список минимальных диагностических компонентов в данном случае будет состоять из пяти компонентов: diplomatic immunity is a “status”, “fixed and regulated by the international law”, “afforded to foreign diplomatic personnel”, “residing in particular country” that grants “particular advantages”.

Анализ сочетаемости управляющих глаголов дает дополнительные оценочные аспекты близких по значению понятий, на которых основано их противопоставление: словосочетание “diplomatic right” подразумевает “формальное, документальное, фиксированное право, право или преимущество”. Грубо говоря, данное понятие практически полностью сопоставимо с русским эквивалентом “дипломатические права”. “Diplomatic immunity” также как и “diplomatic right” указывает на “формальное, четко систематизированное и регулируемое преимущество”.

Однако, из сравнительного анализа контекстуальных глаголов видно, что “diplomatic right” более разнообразно в выборе глагола, и следовательно включает в себя более детерминированную систему и представляет собой более широкое понятие, имеющее большее количество оттенков значения. Более ярко выражена разница в паре “diplomatic immunity” и “diplomatic privilege”.

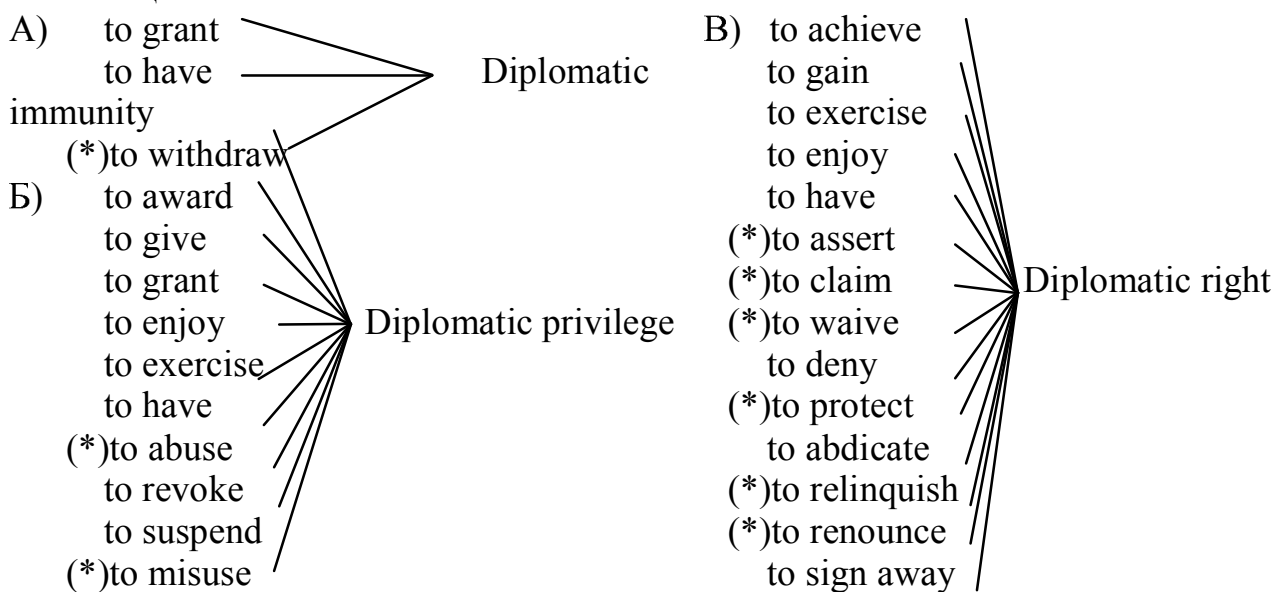
В отличие от русского языка, термин “diplomatic immunity” не имеет субъективно-эмоциональной нагрузки. В английском языке схожую роль играет

словосочетание “diplomatic privilege”, как это видно из его контекстуальных глаголов (например, to abuse – злоупотреблять). В таком случае, именно “diplomatic privilege” будет нести в себе компонент “злоупотребление”, “превышение полномочий”, “корысть”.

Приведем пример: “But in many of the major capitals of the world, it came to be felt that diplomats were abusing the privileges given to their vehicles, and in particular parking illegally, causing obstructions and failing to pay traffic fines”.

Анализ пересекающихся значений дает нам следующую картину:

Однако, в английском языке не только “diplomatic privilege” имеет такую коннотацию.

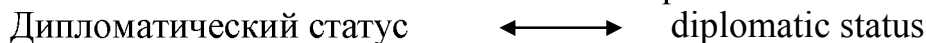

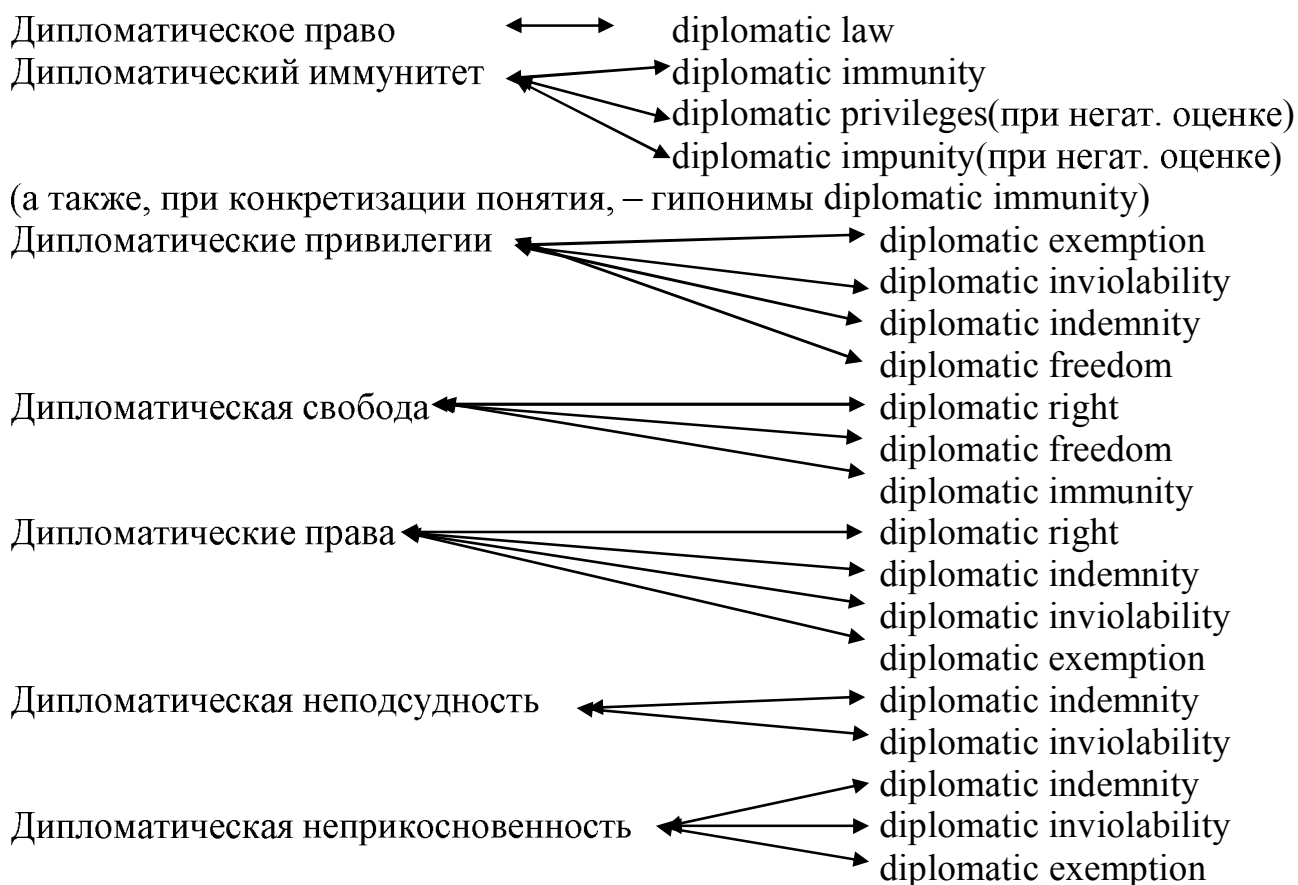
Схожим, но более сильным в эмоционально-экспрессивном отношении, является гипоним “diplomatic immunity” – “impunity”. Несмотря на значение оборота diplomatic “impunity” – освобождение от обязанности возместить убытки – в сознании англоговорящего человека осмысливается с позиции синонимии термину “безнаказанность”, а потому содержит в себе компонент “вседозволенности”, “корысти”: “Diplomatic impunity is about the slavery in the suburbs. According to a complaint filed this week in U.S. District Court in Washington, D.C., in the summer of 2005 a Kuwaiti diplomat and his wife brought with them to the United States three Indian women as domestic workers”.

Таким образом, можно сказать, что, при употреблении субъективно-эмоционального оттенка, английским эквивалентом русского термина “дипломатический иммунитет” будут либо его согипоним “diplomatic privilege”, либо, при наличии компонента “вседозволенность”, его гипоним “diplomatic impunity”. Подводя предварительный итог, можно, на основе выделенных компонентов, схематично изобразить взаимоотношение терминов, входящих в семантику “дипломатический иммунитет” в двух языках.

Данная схема будет относиться к норме языка, и на нее следует обратить внимание будущим переводчикам и журналистам, работающим в сфере дипломатических отношений.

Схема взаимоотношения понятий в норме языка:

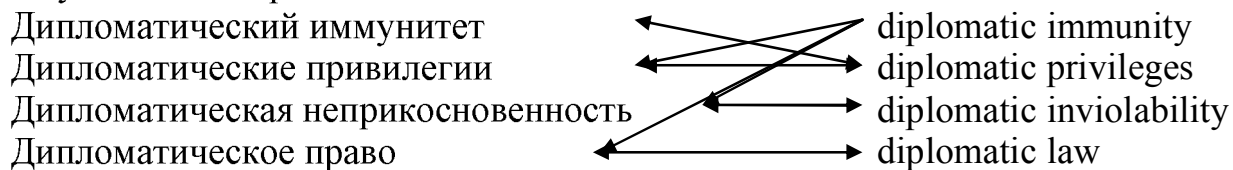

Но при изучении семантики термина “дипломатический иммунитет” можно обнаружит сильное расхождение нормы и узуса в английском и русском языках. Семантические различия между употреблением слова могут быть связаны с социальными, психологическими различиями между использующими это слово людьми. Во всех подобных случаях мы имеем дело с варьированием означаемого у одного и того же означаемого. Данное изменение имеет место и в российской прессе, и в британской прессе.

При изучении узуса языка знаменательным является тот факт, что неустойчивые словосочетания, такие как “дипломатическая свобода” и “diplomatic right”, практически не используются. Они не фиксируют в сознании носителя какое-либо субъективно-оценочное значение, и следовательно при передаче мысли могут использоваться только в качестве “нейтрализаторов”. В большинстве случаев используются термины с более эмоционально-окрашенным подтекстом.

К тому же, в речи носителя языка метод фонетического созвучия играет огромную роль. Так, кажется очевидным перевод “иммунитет” – “immunity”, “свобода” – “freedom”, “привилегии” – “privileges” и пр.; также для носителя нет особой разницы при переводе между “дипломатическое право” и “дипломатические права”. Тот факт, что в английском языке система гипонимов термина “дипломатический иммунитет” более обширна в юридическом плане (для каждой юридической ситуации – существует свой термин) опускается. Разницу в субъективно-оценочных аспектах лексики (ситуационная негативная коннотация слова иммунитет – в русском языке; privilege, impunity – в английском) не рассматривается. Как следствие возникает проблема варьирования означаемого.

Таким образом, на базе изучения материала 50 статей качественной британской и российской прессы, можно сделать выводы о взаимоотношениях вышеуказанных терминов:

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в связи с последними внешнеполитическими событиями термины “дипломатическая неприкосновенность”, иммунитет и пр. стали все чаще появляться в отечественной и зарубежной прессе и приобретать новые значения. Данная схема позволяет оптимизировать стратегию дипломатической коммуникации, а также выработать стратегию перевода и использования дипломатической терминологии в английском и русском языках, в частности в прессе, а также будет полезна в практической работе политтехнологов и работников дипломатического корпуса.

СЕМАНТИЗАЦІЯ МЕТАФОРИЧНОЇ МЕРЕЖІ WAR/ВІЙНА В ПОЕТИЧНИХ ТЕКСТАХ ДЖ. Г. БАЙРОНА ТА ЇХНІХ УКРАЇНСЬКИХ ПЕРЕКЛАДАХ

ЧЕНДЕЙ Н. В.

Ужгородський національний університет

Звернення лінгвістів до зіставного вивчення різних мов шляхом членування лексико-семантичних полів на їхні складові компоненти пояснюється намаганням розкрити сутність й особливості функціонування мов, виявити їхні спільні й відмінні риси, проаналізувати специфіку відтворення мовних картин світу [9, с. 134]. Адже, за словами М. П. Кочергана, лексико-семантичні поля двох мов ніколи не збігаються, оскільки зафіксовані елементи реальності в одній мові не повторюються в такій самій формі в іншій мові [7, с. 13]. Особливо виразно виявляються розбіжності в зіставлюваних мовах на фоні переносних метафоричних значень, що яскраво засвідчують своєрідність мовних картин світу в просторі різномовних поетичних текстів (джерел міжкультурної інформації), оскільки метафора виступає інструментом первинної когнітивної функції свідомості, що визначає образне мислення й формування концептуальних метафоричних уявлень. При цьому природне середовище відіграє важливу роль у формуванні образних стереотипів сприйняття та осмислення дійсності, крізь які етнос “бачить” світ. Вони належать до тієї частини національно-мовних картин світу, яка виступає носієм і виразником етнічно зумовлених нюансів світовідчуття, осмислення та оцінки світу [6, с. 61].

Грунтовний аналіз наукових праць, присвячених проблемі метафори, вказує на недостатнє вивчення цього складного феномену, пов’язаного з образним мисленням, що бере безпосередню участь у структуруванні й пізнанні світу. Саме тому на сучасному етапі розвитку когнітивної поетики спостерігається